

© В.М. КРУЖИНОВ

Тюменский государственный университет
vm.kruzhinov@mail.ru

УДК 94(47).084

**ИСТОРИКИ УРАЛА СЕРЕДИНЫ 1950 — СЕРЕДИНЫ 1980-х ГОДОВ
О ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

**URAL HISTORIANS (THE 1950S UP TO THE 1980S) TELLING
ABOUT POLITICAL CONFLICTS IN THE BOLSHEVIK PARTY
IN THE EARLY YEARS OF THE SOVIET SYSTEM**

АННОТАЦИЯ. На примере уральской историографии середины 1950 — середины 1980-х гг. анализируется противоречивый процесс изучения политических конфликтов в большевистской партии в первые годы советской власти. Показано, что критика «культы личности» на XX съезде КПСС оставила в неприкосновенности сталинскую схему истории внутривнутрипартийной борьбы, а обобщения и выводы историков, различаясь набором конкретных фактов и некоторых рассуждений, сводились к абсолютизации деструктивного начала в политическом конфликте и трактовали его как патологическое отклонение от воображаемого нормального развития. В этих условиях любые выступления коммунистов против официального курса связывались с воздействием на большевистскую партию «чуждой идеологии» и возникновением на этой основе «оппортунистических» и «контрреволюционных» групп, разгром которых ассоциировался с победой «ленинского курса».

Установлено, что данная версия внутривнутрипартийной борьбы имела глубокие социальные корни. Отвечая интересам партийно-государственной элиты, она позволяла уральским историкам идеализировать победителей и изображать развитие советского общества как поступательное движение вперед, но все более оказывалась в противоречии с реалиями жизни.

SUMMARY. This article analyzes the controversial process of political conflicts in the Bolshevik Party in the early years of Soviet system as exemplified by the Ural historiography between mid-1950's and mid-1980's. It demonstrates that the criticism of the "personality cult" at the XX Communist Party Congress didn't affect the Stalinist scheme of history of the inner struggle, and generalizations and conclusions of historians, which were different in a set of specific facts and arguments, resulted in absolutization of the destructive origin in the political conflict and interpreting it as a pathological deviation from the imaginary normal development. In these circumstances any oppositions of the Communists to the official orientation were connected with the "alien ideology" and emergence of "opportunistic" and "counter-revolutionary" groups, the defeat of which was associated with the victory of "Lenin orientation".

It has been specified that this version of inner-party struggle had deep social roots. Responding to the interests of the party-state elite, it allowed native historians to portray the development of the Soviet society as a forward movement, but increasingly found itself at odds with the real life.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уральская историография, большевистская партия, политический конфликт, «троцкизм».

KEY WORDS. Ural historiography, The Bolshevik Party, political conflict, Trotskyism.

Принято считать, что XX съезд КПСС положил конец сталинской эпохе и ознаменовал начало «оттепели» — относительной демократизации политической и общественной жизни, большей свободы творческой деятельности, в том числе в области исторической науки. На первый взгляд, для такого утверждения имеются веские основания. Ведь в середине 1950-х гг. исследователи получили доступ к широкому кругу исторических источников, заметно возросло количество научных публикаций и, самое главное, была официально признана необходимость корректировки ряда элементов несущих конструкций советской истории, а фигура И.В. Сталина лишалась ореола гениальности и непогрешимости.

Однако критика «культы личности» на съезде оставила в неприкосновенности один из ключевых мифов советской исторической школы: сталинскую формулу борьбы против «передового отряда контрреволюционной буржуазии» — «троцкизма» и других «антиленинских групп и течений», разгром которых считался важнейшим условием построения социализма.

Причины хрущевского, а позднее и брежневского «догматизма» не раз обсуждались в кругах исследователей. Одни из них связывают «консерватизм» советских «вождей» с их личными, как правило, негативными качествами, другие — с активным участием в реализации сталинской политики, приверженности сталинизму. Есть и такие историки, для которых главная причина колебаний Н.С. Хрущева видится в его «троцкистском» прошлом [1; 625], хотя, кажется, в рамках данного объяснения реабилитация Л.Д. Троцкого и других оппозиционеров должна была составить основу провозглашенной XX съездом программы десталинизации.

При этом мало кто из историков обращает внимание на глубокую социальную обусловленность объявленного Н.С. Хрущевым курса, совпадавшего с интересами партийно-государственной элиты, главной целью которой являлось обеспечение стабильности после потрясений сталинской эпохи. Желая сохранить свое исключительное положение, застраховать себя от недовольства снизу, высшая бюрократия страны не испытывала потребности внимательно изучать опыт советского прошлого, вникать в действительные причины и последствия внутривнутрипартийных коллизий. Более того, единичные призывы (например, вдовы Л.Д. Троцкого — Натальи Седовой) к реабилитации бывших оппозиционеров вызывали у нее только отторжение, поскольку такой шаг мог стать прологом возрождения внутривнутрипартийной демократии и права «низов» на критику «вождей».

Этим можно объяснить, почему в исторической литературе второй половины 1950-х гг. продолжала доминировать терминология «Краткого курса», а участники внутривнутрипартийных группировок именовались «предателями» или «врагами народа», пытавшимися осуществить «коварные замыслы» и «ликвидировать советскую власть». Лишь с выходом в 1959 г. первого издания «Истории КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева произошла девальвация старых штампов, замененных, однако, на новые. В результате «белогвардейский пигмей» и «фашистский шпион» Л.Д. Троцкий стал «капитулянтom», а «подлые враги»

партии Г.Е. Зиновьев или Л.Б. Каменев — «маловеерами», хотя в некоторых работах они продолжали фигурировать в качестве «врагов народа» даже в 1980-е годы.

В это время политические конфликты в правящей партии стали предметом исследования в монографических и диссертационных работах, во многих статьях. В результате официальная концепция наполнялась многочисленными фактами, а исследователи прикоснулись к вопросам, ранее не рассматривавшимся.

В то же время «новые веяния» мало сказались на концептуальных подходах к освещению проблемы. Следование сталинской версии внутривнутрипартийных конфликтов вынуждало историков приравнивать любое выступление против «генеральной линии» партии к разрыву с ленинизмом и переходом противников господствующей фракции на «оппортунистические», а затем «контрреволюционные» позиции. За редким исключением не анализировались платформы оппозиционных групп, о содержании которых судили по оценкам, заимствованным из партийных решений. Возникавшие на этом фоне чуть ли не случайные вспышки полемики страдали схоластикой и также не способствовали прогрессу исторического знания.

Малопродуктивными, например, оказались споры о том, чем вызывалось появление оппозиционных течений в большевистской партии («паникой перед трудностями, колебаниями» [2; 129] или «не колебаниями, а сознательной и целенаправленной деятельностью по изменению ленинского политического курса партии» [3; 74]), о «главном» в теории перманентной революции Л.Д. Троцкого («игнорирование революционных возможностей крестьянства» [4; 34] или «оппортунистическая недооценка революционных возможностей пролетариата» [3; 50]), о сущности «троцкизма» («социальное явление» [4; 6] или «надуманная концепция» [3; 58]) и т.п.

С середины 1950-х гг. возрастает внимание исследователей к истории политических противостояний в уральских организациях большевистской партии, хотя многие аспекты этой темы все еще оставались вне поля зрения историков, либо освещались в русле сложившейся традиции. По-прежнему, например, сохранялась негативная оценка (правда, уже без погромных эпитетов: «ошибка» [5; 299], «серьезная ошибка» [6; 141], «политическая ошибка» [7; 38] и т.п.) умеренной тактики большевиков Екатеринбурга, принявших предложение эсеров образовать в городе состоящий из представителей разных социалистических партий Комитет народной власти (действовал с 31 октября по 22 ноября 1917 г.), небольшие сюжеты о деятельности которого присутствовали почти во всех исследованиях о большевистской революции на Урале. В обоснование «ошибочности» этого решения обычно ссылались на то, что «нельзя было допускать к власти людей ненадежных, колеблющихся, враждебно настроенных по отношению к Советской власти» [5; 299] (парадоксально, но при этом указывалось, что «решающую роль» в Комитете играли большевики [5; 299]) или, что «большевики имели возможность не допускать к власти мелкобуржуазные партии, так как пользовались поддержкой подавляющего большинства не только рабочих, но и солдат местного гарнизона» [6; 141] (при этом, однако, не учитывалось, что население Екатеринбурга, разумеется, состояло не только из рабочих и солдат, а на прошедших через несколько дней выборах в Городскую думу большевики получили все таки менее половины голосов избирателей — 46% [8]).

В политическом плане допущенная большевиками Екатеринбургa «ошибка» обычно связывалась с позицией «ничтожной группки правых оппортунистов и дезертиров» [5; 299] или деятельностью «троцкистов», воспользовавшихся отсутствием в городе (уехали на II Всероссийский съезд Советов) «некоторых уральских руководителей» [9; 74]. В целом подобные рассуждения не столько проясняли проблему, сколько консервировали старые догмы и порождали новые.

Аналогичным образом следует оценить и попытки исследования конфликтов в большевистских организациях Урал в период Бреста. Одна из них была предпринята Л.Ф. Малафеевым и не вышла за рамки общих рассуждений о ленинской тактике «спасения революции» и «рьяно нападавших на Ленина» «троцкистах» и левых коммунистах, которые «монополизировали партийную печать» и «протаскивали свои взгляды на митингах, партийных собраниях и конференциях» [10; 55-57].

Еще меньшее внимание уделялось политическим конфликтам в региональных организациях большевистской партии в условиях гражданской войны, проблематика которой перекрывала более «мелкие» темы. В самых общих чертах излагалась, например, история военной оппозиции. Даже в монографии В.С. Скрובה «Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. — 1920 г.)», где этот сюжет следовало рассмотреть как самостоятельный, ему уделяется лишь несколько абзацев, часть которых была посвящена критике военной деятельности Л.Д. Троцкого — одного из самых горячих оппонентов военной оппозиции. Автор в строгом соответствии с традицией выдвигает в адрес председателя РВС Республики обвинения в том, что тот «противопоставлял политических работников военным специалистам», «стремился оградить их от контроля со стороны военных комиссаров» [11; 99], каждое из которых в свое время было опровергнуто В.И. Лениным как «сумасшедшее» [12; 136].

В полной мере недостатки данного периода историографии отразились на вышедшей в 1962 г. статье В.В. Фельдмана, посвященной дискуссии о профсоюзах в Екатеринбургской губернии. Отказавшись от крайностей «Краткого курса» и несколько смягчив оценки лидеров оппозиционных течений, В.В. Фельдман, тем не менее, сохранил основные штампы сталинской историографии. В самом общем виде конструкция этой работы сводилась к схеме: 1) с окончанием гражданской войны большевистская партия взяла курс на «проведение ленинской программы перехода к мирному хозяйственному строительству», но «антиленинские группировки», «искавшие лишь повод, чтобы использовать внутривнутрипартийные разногласия для раскола партии», «навязали ей дискуссию»; 2) поскольку платформы, выдвинутые «небольшими группами троцкистов» и другими «фракционерными», «ничего серьезного не представляли, кроме нападок на ленинское руководство», оппозиция прибегала к «недостойным методам» и «грубому нажиму» на рядовых коммунистов; 3) подавляющее большинство партийных организаций отмежевалось от «раскольников», приводя их в «бешенство» и вызывая «нескрываемую ярость и злобу»; 4) в будущем оппозиционеры инициировали новые вспышки внутривнутрипартийной борьбы, повторявшиеся до тех пор, пока «враги ленинизма» не были изгнаны из партии [13; 48-59].

Кроме причин общего характера, заметное влияние на суждения и выводы В.В. Фельдмана оказал характер использованных им исторических источников, тенденциозно подобранных и представляющих научную ценность лишь в сочетании с другими документами и материалами. Через несколько лет такой же способ выявления и обработки информации применили Д.Д. Голованов и В.П. Иванов, авторы еще одной статьи о профсоюзной дискуссии на Урале [14; 64-66.]. Идеологическая зашоренность, узкий круг использованных источников и некритический подход к ним сказались не только на общих, но и на частных выводах историков. Если первые из них сводились к традиционной констатации «враждебной сущности» всех дискуссионных платформ (кроме ленинской), содержание которых, однако, не раскрывалось, то вторые вносили в историческую литературу путаницу, вызванную механическим воспроизведением фактических ошибок, содержащихся в использованных авторами источниках, не сверенных с другими.

Так, характеризуя начальный этап профсоюзной дискуссии в Екатеринбурге, Д.Д. Голованов и В.П. Иванов воспользовались хранящейся в фонде истпарта (ф. 41. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1) Партийного архива Свердловской области (ныне Центр документации общественных организаций Свердловской области) копией отчета о заседании коммунистической фракции Екатеринбургского губернского совета профсоюзов, на котором впервые в Екатеринбурге обсуждались дискуссионные платформы. В свое время, 15 января 1921 г., этот документ был напечатан в газете «Уральский рабочий», откуда в 1936 г. и был скопирован архивными работниками. Причем при публикации данного источника в газете ее редакция ошибочно указала, что «заседание состоялось 13-14 декабря», тогда как в действительности оно проходило 13 и 14 января 1921 г., что подтверждается другими материалами [15]. Однако незнакомые с ними авторы статьи не внесли в нее необходимые коррективы и ошибочно датировали начало обсуждения дискуссионных платформ в Екатеринбурге декабрем 1920 г., хотя в это время ни одна из них не была опубликована, а многие только составлялись.

В 1960-е гг. уральские исследователи впервые обратились к истории «мясниковщины» — разновидности «рабочей оппозиции» на Урале. Наиболее обстоятельно этот вопрос исследовался в докторской диссертации В.В. Фельдмана «Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и сплочение рабочего класса на Урале в 1921-1925 годах» (Пермь, 1971), соответствующий раздел которой в 1974 г. был им опубликован в виде самостоятельной статьи.

Отличие от предыдущей публикации исследователя, новая его статья опиралась на сравнительно широкий круг источников как опубликованных, так и архивных. В то же время среди них не оказалось, может быть, самых важных — писем, заявлений и статей лидера «мясниковщины» и его соратников, без использования которых описание острого конфликта между Г.И. Мясниковым и партийной машиной неизбежно приобретало односторонний характер. В.В. Фельдман, например, утверждал, что в предложениях Г.И. Мясникова «проявилось отрицание руководящей роли Коммунистической партии и государства». В подтверждение этого тезиса автор, во-первых, ссылаясь на «объективную роль», которую якобы играла «мясниковщина» в качестве союзника

антисоветских сил, а во-вторых — вольно трактовал и даже искажал требования Г.И. Мясникова. Он писал, что Г.И. Мясников призывал «объявить свободу слова и печати для **всех без исключения** (выделено автором) социальных групп, в том числе враждебных Советской власти» [16; 38], хотя в действительности сам Г.И. Мясников распространял это требование только на рабочих и крестьян. В отношении других групп общества его позиция была непримиримой: «Никаких рассуждений с кадетом-буржуа, адвокатом, доктором, профессором, — здесь одно лекарство — мордобитие» [17; 73].

В.В. Фельдман не только искажил предложения Г.И. Мясникова, но и предвзято изобразил его практическую борьбу. Он писал о «подрывной деятельности» Г.И. Мясникова, нарушении им решений партийных органов, пропаганде своих взглядов на партсобраниях и «даже среди беспартийных рабочих». Однако ни одного примера такой агитации автор не приводит, хотя, казалось, для изобличения Г.И. Мясникова как «раскольника» их следовало бы привести в первую очередь.

Между тем, отсутствие в статье подобных фактов неслучайно, поскольку Пермский губком запретил Г.И. Мясникову выступать с изложением «преступных взглядов», чему он подчинился вплоть до исключения из РКП(б) в феврале 1922 года. В результате коммунисты Мотовилихи, где он работал, зная, что у Г.И. Мясникова «есть какие-то нехорошие мысли», могли лишь догадываться, в чем они заключаются.

К сожалению, таких переделок в статье немало. В.В. Фельдман, например, утверждает, что «в июне 1921 г. на VII Пермской губернской конференции РКП(б) сторонники Г.И. Мясникова выступили против политики ЦК РКП(б) и против Пермского губкома РКП(б)» [16; 39]. Однако VII Пермская губконференция проходила не в июне, а в феврале 1921 г., когда Г.И. Мясников работал в Петрограде и сторонников в Перми у него еще не было. Следующая, VIII губернская партконференция состоялась в августе 1921 г., но сторонники Г.И. Мясникова ее бойкотировали. Некорректны утверждения В.В. Фельдмана, что «в молодости Мясников был эсером», что его призывы «похожи на кронштадтские (Советы без коммунистов)» [16; 42] и т.п.

Аналогичные подходы характеризуют работы и других уральских историков. Хотя в каждой из них декларировалась определенная научная новизна, все они были едины в крайне негативной оценке политических конфликтов в большевистской партии, которые «отвлекали коммунистов от решения социалистических задач» [18; 50] и «были выгодны только врагам советской власти» [19; 4]. В результате деструктивное начало в политическом конфликте абсолютизировалось, и он воспринимался исключительно как патологическое отклонение от воображаемого нормального развития. Такое понимание внутривнутрипартийных противоборств позволяло уральским историкам идеализировать победителей и изображать развитие советского общества как поступательное движение вперед, но все более оказывалось в противоречии с реалиями жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянов Ю.В. Сталин. На вершине власти. М., 2007. 565 с.
2. Воскресенский Ю.В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации страны. М., 1969. 334 с.

3. Иванов В.М. Ленинградская партийная организация в борьбе против троцкизма (1923-1927): Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1970. 1232 с.
4. Макаров Б.М. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. М., 1965. 104 с.
5. Быстрых Ф.П. Большевистские организации Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской революции // Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. I. Свердловск, 1971. С. 270-304.
6. Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983. 168 с.
7. Лоскутов С.А. Борьба большевиков Урала против меньшевиков в период упрочения Советской власти (октябрь 1917-июнь 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1984. 230 с.
8. Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 10 октября.
9. Бакунин А.В. Индустриальный Урал в трудах В.И. Ленина. М., 1981. 304 с.
10. Малафеев Л.Ф. Упрочение Советской власти на Урале // Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 50-69.
11. Скробов В.С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г.-1920 г.). Свердловск, 1971. 299 с.
12. Ленин В.И. Речь по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 года // Ленинский сборник XXXVII. М., 1970. С. 135-140.
13. Фельдман В.В. Дискуссия о профсоюзах в партийных организациях Урала // Труды кафедры истории КПСС Уральского лесотехнического института. Свердловск, 1962. С. 37-46.
14. Голованов Д.Д., Иванов В.П. Важная страница в истории советских профсоюзов // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 64-66.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО-СО). Ф. 41. Оп. 1, Д. 1144. Л. 68.
16. Фельдман В.В. Борьба уральских коммунистов против «мясниковщины» // Классовая борьба на Урале (1917-1932 годы). Свердловск, 1974. С. 37-46.
17. 1921 год. Мясников, Ленин и дискуссия в партии о свободе печати // Свободная мысль. 1992. № 1. С. 62-75.
18. История Урала. Т. II. Пермь, 1977. 543 с.
19. Кортаев Ф.С. Коммунисты Урала в борьбе за единство рядов ВКП(б). Пермь, 1968. 48 с.

REFERENCES

1. Emel'ianov, Iu.V. *Stalin. Na vershine vlasti* [Stalin. On the top of the power]. Moscow, 2007. (in Russian).
2. Voskresenskii, Iu.V. *Perekhod Kommunisticheskoi partii k osushchestvleniiu politiki sotsialisticheskoi industrializatsii strany* [Passage of the Communist party to the realization of the policy social industrialization of the country]. Moscow, 1969. (in Russian).
3. Ivanov, V.M. *Leningradskaia partiinaia organizatsiia v bor'be protiv trotskizma (1923-1927)* (diss. dokt.) [The party organization of Leningrad in the struggle against trotskizm (1923-1927) (Doct. diss.)]. Leningrad, 1970. (in Russian).
4. Makarov, B.M. *Kritika trotskizma po voprosam stroitel'stva sotsializm v SSSR* [Critics of trotskizm on socialism building in the USSR]. Moscow, 1965. (in Russian).
5. Bystrykh, F.P. The Bolshevik organizations in Ural in the struggle for the Great October revolution victory // *Ocherki istorii kommunisticheskikh organizatsii Urala. T. I.* [Essays on history of the Communist organizations in Ural. V. I]. Sverdlovsk, 1971. (in Russian).
6. Popov, N.N. *Bor'ba bol'shevikov Urala za soldatskie massy v trekh revoliutsiiaakh* [Struggle of the Ural Bolsheviks for soldiers during the three revolutions]. Saratov, 1983. (in Russian).

7. Loskutov, S.A. *Bor'ba bol'shevikov Urala protiv men'shevikov v period uprocheniia Sovetskoii vlasti (oktiabr' 1917-iiun' 1918 gg.)* (diss. kand.) [Struggle of the Ural Bolsheviks against the Mensheviks during strengthening of the Soviet power (October 1917-June 1918) (Cand. Diss.). Chelyabinsk, 1984. (in Russian).

8. *Ural'skaia zhizn' (Ekaterinburg) — The Ural life (Ekaterinburg)*. 1917. October, 10. (in Russian).

9. Bakunin, A.V. *Industrial'nyi Ural v trudakh V.I. Lenina* [Industrial Ural in the works by V.I. Lenin]. Moscow, 1981. (in Russian).

10. Malafeev, L.F. Strengthening of the Soviet power in Ural // *Kommunisty Urala v gody grazhdanskoi voiny* [Communists of Ural during the Civil war]. Sverdlovsk, 1959. (in Russian).

11. Skrobov, V.S. *Problemy voennoi deiatel'nosti Kommunisticheskoi partii na Urale (oktiabr' 1917 g.-1920 g.)* [The problems of war activity of the Communist party in Ural (October 1917-1920)]. Sverdlovsk, 1971. (in Russian).

12. Lenin, V.I. The speech on the war issue at VIII congress of WCP (b) on March 21, 1919 // *Leninskii sbornik XXXVII* [Lenin's collection XXXVII]. Moscow, 1970. (in Russian).

13. Fel'dman, V.V. The discussion about trade unions in the party organizations of Ural // *Trudy kafedry istorii KPSS Ural'skogo lesotekhnicheskogo instituta* [The works of the CPSU history department of the Ural forestry engineering institution]. Sverdlovsk, 1962. (in Russian).

14. Golovanov, D.D., Ivanov, V.P. The important page in history of Soviet trade unions. *Voprosy arkhivovedeniya — Archival science issues*. 1965. № 3. (in Russian).

15. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti* [The documentary center of public organizations in Sverdlovskaya oblast]. F. 41. List 1, Aff. 1144. Sh. 68. (in Russian).

16. Fel'dman, V.V. Struggle of the Ural communists against «myasnikovshchina» // *Klassovaia bor'ba na Urale (1917-1932 gody)* [Class struggle in Ural (1917-1932)]. Sverdlovsk, 1974. (in Russian).

17. The year of 1921. Myasnikov, Lenin and the party discussion about the word freedom *Svobodnaia mysl'*. 1992. № 1. (in Russian).

18. *Istoriia Urala. T. II*. [History of the Urals. V. 2]. Perm, 1977. 543 p. (in Russian).

19. Korotaev, F.S. *Kommunisty Urala v bor'be za edinstvo riadov VKP(b)* [Urals communists in the struggle for the unity of the CPSU(b)]. Perm, 1968. 48 p. (in Russian).

Автор публикации

Кружинов Валерий Михайлович — профессор кафедры отечественной истории Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, доктор исторических наук

Author of the publication

Valeriy M. Kruzhinov — Dr. Hist. Sci., Professor, National History Department, Institute of History and Political Sciences, Tyumen State University